

17

Пятница
17.03.2006Лев Додин о загадке короля Лира:
«Откуда у благородного отца
такие плохие дочери?»На долю десяти издательских домов
приходится более 55% всех книг России

17.03.06

КУЛЬТУРА

culture@izvestia.ru

РЕЖИССЕР **Лев Додин:**«Я борюсь с тем, что
я советский человек»Сегодня в «МДТ-Театре Европы» состоится премьера спектакля «Король Лир» в постановке Льва Додина. Специальный корреспондент «Известий» **Артур Соломонов** встретился с режиссером Львом Додиным в Турине на вручении премии «Европа — театру».**ИЗВЕСТИЯ:** У Питера Брука есть статья: «Король Лир» — можно ли поставить эту пьесу? Как вы думаете, почему именно об этой пьесе Брук писал как о самой трудной для постановки?**Лев Додин:** У Брука еще есть слова, что «Король Лир» — это вершина, путь к которой уложен трупами режиссеров и актеров.**ИЗВЕСТИЯ:** Не боитесь пополнить список погибших?**Додин:** Боюсь уже три года, пока идут репетиции. Все время есть опасность оказаться гораздо мельче даже самого частного вопроса, который поднимается в «Короле Лире». К тому же наши головы забиты предрассудками, ложными представлениями о пьесе, которые ничего общего не имеют с реальным пространством содержания. И когда чуть-чуть к нему прорываешься, то видишь очень интересные взаимосвязи и закономерности.**ИЗВЕСТИЯ:** Если спросить — какие, вы скажете, что этот вопрос преждевременный?**Додин:** Конечно. Спектакль только в процессе формирования. Мы провели две генеральные репетиции с публикой, и одна от другой отличалась разительно.

Традиционно считается, что это трагедия одного человека — Лира. Это всегда мне казалось неправильным, потому что героев связывает жестокая система взаимозависимости отцов и детей, и я думаю, что ответственность в этой истории распределяется совсем не так, как принято считать: плохие дочери и благородный отец. А откуда у благородного отца такие плохие дочери? А если он такой неплохой, то, может быть, и они — хорошие?

Мы сначала сделали прямой подстрочный перевод, чтобы пробиться к простым смыслам. И долго репетировали по

подстрочнику. А затем поняли, что от подстрочника вернуться к переводу Пастернака уже не можем, потому что знаем целый ряд других смыслов, которые Пастернаком или изъять, или изложены по-иному. На него влиял его собственный мощный гений, русская поэтическая традиция и, конечно, пуританское сталинское время. Мы боялись уйти в трепыхание условно возвышенных чувств. И моя однофамилица Дина Давыдовна Додина сделала новый перевод, в котором по-иному осмыслено взаимоотношение прозы и стихов, комического и трагического.

Нам очень хотелось сначала заставить себя услышать простые и грубые смыслы шекспировских слов, а потом донести их до зрителя. Убить поэтичность — таково было одно из наших стремлений. Убить поэтичность, чтобы пробиться к поэзии.

ИЗВЕСТИЯ: Здесь, в Турине, на встрече с публикой вы говорили о том, что одним из этапных событий вашей жизни стал инфаркт, после которого вы пересмотрели отношение ко многому. В «Короле Лире», по существу, речь идет о том, что человек ничем, кроме самого себя, не владеет, что единственная его собственность — он сам.**Додин:** Я всегда много думал о смерти, но когда к ней прикасаешься... Мне было плохо, меня уже везли в больницу, а я звонил в театр по мобильному и уверял, что скоро вернусь на репетицию. И когда ко мне в больницу подошел врач и сказал: «Анализ крови показал, что у вас инфаркт», репетиции, спектакли, все стало неважным. Ты оказался рядом со смертью... Для человека, который занимается творчеством, такое переживание, я думаю, необходимо. Я всегда был уверен,

что болезнь Чехова — не случайность. Он, с одной стороны, врач, с другой — больной. И оба знают, что болезнь смертельна, а жизнь замечательна.

ИЗВЕСТИЯ: Вы довольно часто повторяете слово «болезнь». У Ницше есть фраза: «Здоровье человека определяется тем, сколько болезненного он может взять на себя и преодолеть». Эти слова близки вам, или я не попал в точку?**Додин:** Нет, в точку. Искусство занимается болезнями человека. Жизнь — тоже своего рода болезнь. Человек изначально болен смертью. Все определяет это. И фашизм, и коммунизм — на самом деле преодоление человеком своей смертности. Но — скотскими средствами. Почему человеку нравится убивать других? Это задерживает его пребывание на этом свете.

Почему НЕ проявить силу — значит выказать подлинное мужество? Не проявляя силу, ты даешь понять, что сознаешь, что ты смертен. А любым насилием мы отстраняем мысль о своей слабости и, как следствие, о своей смертности. Допуская мысль о своей слабости, мы проявляем силу. Эта идеология труднодоступна, но она определена логикой европейского развития. Почему Европа нам кажется слабой и мы порой ее покровительственно похлопываем по плечу? Почему они не стали стрелять в арабов во время парижских бесчинств? Это было проявлением силы.

ИЗВЕСТИЯ: Мы сейчас с вами находимся в Турине на премии «Европа — театру», которую вы получили некоторое время назад. Вы были одним из первых в перестроечную эпоху, кто снова привлек внимание к русскому театру, повысил его авторитет. Помните, какая волна критики

обрушилась на вас — обвинения в капитализации национальной беды, торговле нашими пороками, в том, что вы представляете на Западе неприглядный образ современной России... Как вы сейчас относитесь к этому периоду?

Додин: К этому периоду в жизни нашего театра я отношусь замечательно. Огромная рецензия в газете «Либерасьон» на премьеру «Клаустрофобии» в Париже называлась «Свободные дети свободной России» и была ликующей: «Новая Россия замечательна, как мы и ожидали». А к клевете, о которой вы вспомнили, я отношусь с большой печалью — молодые люди, тоже дети нового времени, оказались растворены в самых страшных предрассудках прошлого. И как Маяковский обнаруживал мурло мещанина, я с ужасом обнаружил в молодых критиках мурло сталинского чиновника-театроведа.

Я часто читаю отзывы о Европе и вижу, какой у нас запас зоологической ненависти к большой европейской культуре. Читаю интервью некоторых молодых депутатов, и волосы дыбом встают от того, что они несут... Я боюсь, что мы в нашем развитии проскочили какой-то этап, и наступает очень опасный период.

ИЗВЕСТИЯ: А зритель ваш меняется?**Додин:** Зритель — очень хороший. Приходят в зал совсем молодые люди — то поколение, которое еще не успели отравить. Смотрят идеально.

Я случайно подслушал разговор молодых парней после спектакля: «Слушай, б..., «Дядя Ваня» — какой спектакль! Я решил, на х..., «Бесов» посмотреть».

ИЗВЕСТИЯ: Вам нравится, что приходит и такой зритель?**Додин:** Конечно. «Б» и «х» со временем отпадут, а «Дядя Ваня» и «Бесы» останутся. На «Чевенгур», например, стали ходить панки.

Вы знаете, я все чаще думаю о том, что вместе с ложными понятиями девальвируются истинные. Пусть девальвируются ложные, а истинные остаются. Добро, гуманизм, любовь к человеку, нежность, забота о нем, ненависть к тому, что его унижает.

ИЗВЕСТИЯ: Редко услышишь в последнее время, чтобы кто-либо эти слова произносил без иронии.**Додин:** Почему я должен стесняться? Эти понятия делают жизнь осмысленной. Все остальное — физиологический процесс. Это тоже советское наследие, ленинское презрение к интеллигентности, к «добренькому» человеку.**ИЗВЕСТИЯ:** В вашем спектакле

«Бесы» есть сцена «У наших», где блистательно показано, как слово влияет на реальность, как оно начинает руководить жизнью.

Додин: Да, мне было важно, чтобы эта сцена читалась именно так. Сейчас лжеслово заполнило нашу жизнь. И, кстати, сегодня одно из популярных молодежных движений называется «Наши», а ведь так в «Бесах» Достоевского называлось объединение, результатом деятельности которого стало банальное убийство. Можно подумать, что это название современному движению дано кем-то очень начинанным, умным, циничным, с большой издевкой над нашим обществом, истории своей не помнящим.**ИЗВЕСТИЯ:** Вы с презрением произносите слово «советский». Это слово не содержит для вас никакого позитивного заряда?**Додин:** Никакого.**ИЗВЕСТИЯ:** Но вы ведь тоже советский человек.**Додин:** Я с этим борюсь. Конечно, это молодость, любовь, родители... Целая жизнь. Но мы же говорим об определенном типе сознания, и он мне ненавистен. Например, в период гитлеризма наверняка многие немцы пережили счастье, любовь, рождение детей, совершали научные открытия. Но это же не может обелить гитлеризм?! А в период сталинизма в нашей стране было

убито сто миллионов. И это не следствие войны или чумы, это была политика по уничтожению собственного народа. Мы уничтожали самих себя.

ИЗВЕСТИЯ: Ваши родители так же воспринимали СССР?**Додин:** Моя мама была очень искренняя коммунистка, она вступила в партию в 1944 году, будучи беременной мной. Когда ей говорили, что можно и обожать, она отвечала: «Без меня не будет победы». Но она пережила в семидесятых годах прозрение, и это была страшная трагедия, поставившая мою мать на грань психического заболевания. Она была замечательным человеком, истово верящим в коммунизм, а потом истово ненавидящим коммунизм и себя в нем.**ИЗВЕСТИЯ:** Какое событие последнего времени было для вас самым радостным?**Додин:** Давно радостного события не было. Близкие болеют. С радостью сложно. Сложнее, чем раньше, когда радость была сопротивлением времени, может быть, несознательным. Запрещают спектакль, который ты вынашивал годами, а ночью ты устраиваешь такое веселье назло всему. Сейчас радость дает работа. Как бы мы сегодня ни сыграли премьеру, все равно во время репетиций было очень много счастливых моментов.

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРЧИН «ИЗВЕСТИЯ»

